

НАЛОГИ И СБОРЫ АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ЯКОВ РИЕР (Могилев, Республика Беларусь)*

§1. Налоговый аспект происхождения государственности

Налоги – одна из функций организованного общества, неприятная, но, как увидим, необходимая, возникшая из сборов еще в поздней первобытности. Их появление имеет глубокие исторические причины, коренившиеся в самом формировании человеческих сообществ.

Уже на ранних этапах социализации между людьми возникали отношения взаимопомощи, из которых складывались нормы: *услуга за услугу*, то есть, попросту: *ты – мне, я – тебе*. Причем без всякой вульгарной коннотации, привнесенной позднее цивилизацией с развитым чиновничеством, и, отсюда – коррупцией. Первоначально же взаимобразное оказание услуг входило в более общую практику *обмена дарами*, или, как называют антропологи – *реципроктного обмена*.

По мере социального развития первобытных племен, появления иерархии и выделения правящих верхов принцип *дарообмена* распространялся на отношения появлявшихся старейшин и вождей с остальными, рядовыми, членами общин и племен. Выбранным за особые заслуги *лучшим людям* (первоначально действительно *лучшим*) остальные добровольно несли дары, о чем, например, сообщал при описании жизни древних германцев римский историк I в. н.э. Публий Корнелий Тацит: «У их общин существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд»¹.

Такой обычай, состоявший в передаче части созданного или накопленного продукта вождям на различные нужды, в том числе на содержание самих этих вождей канадский социолог и антрополог Карл Поланьи назвал *редистрибуцией*². Эти *дары* предназначались не только для потребления вождей, но и для общественных нужд, ибо, что многократно наблюдалось антропологами и этнологами, от предводителей, вождей требовались и ответные услуги

¹ Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии, 15. // Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы Малые произведения. Л. 1969.

² *Primitive, Archaic, and Modern Economics.* // Essays of K. Polanyi. New York, 1968.

выбиравшему их народу в виде организации пиршеств, помощи попавшим в нужду. То есть вожди становились, по сути, хранителями и распорядителями общинных запасов или фондов. Соглашаясь с таким порядком «простые люди» постепенно и сами привыкали к подчинению, т.е. создавали соответствующую норму и формировали у своих лидеров представление об их избранности, о праве на особые функции и место в обществе.

В итоге традиция даров продуктами в обмен на услуги лидеров, в том числе и за гарантию безопасности, и защиту от сил высшего порядка вела к сакрализации роли старейшин, в подчинении которым люди не видели угнетения³. Причем такое изначальное подчинение воспринималось как естественное, ибо иных форм существования тогда не было. Поэтому и не могло рассматриваться как несправедливость, неравенство или эксплуатация в нашем понимании. Тем более, что лидеров, распоряжавшихся указанными фондами, действительно выбирали.

Но постепенно, в силу логики повседневной жизни, власть стала концентрироваться в знатных семьях как их наследственное право. Тот же Тацит писал, что у германцев «выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя»⁴. Это было логично. Жилища – резиденции глав родов и племен становились доминантами в поселениях, при них возникали амбары для хранения приносимого, при них же устраивались собрания и пиры. Сыновья лидеров с детства учились у отцов и помогали им в выполнении особых, в том числе и сакральных функций. И соплеменники привыкали видеть в них наследников. Соответственно, традиция получения добровольных подношений – даров – также закреплялась за отдельными семьями. А сами дары превращались в норму, обязательную в данном сообществе для поддержания установленного порядка и обеспечения потребностей.

По мере разрастания этих сообществ в более крупные организации – племенные союзы (*вождества*)⁵ – их правители обрастали помощниками, то есть

---

³ Першиц А. И. У истоков эксплуатации. / А. И. Першиц. // Восток. 2005. № 1. С. 26; Саутхолл Э. О возникновении государств. / Э. Саутхолл. // Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000. С. 130-131.

⁴ Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии, 13.

⁵ «Неуклюжая калька с английского слова *chifdom*, но другого в русском языке нет и некоторые просто пишут *чифдом*», – Яacobсон В. А. Введение в историю бюрократии. / В. А. Яacobсон. // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 82. Предложил этот термин в 1955 г. американский этнолог К. Оберг, отнеся его к форме политической организации, предшествовавшей образованию государств (от английского *chief* – *вождь*). Первым употребил его на русском без перевода, как кальку с английского востоковед Л. С. Васильев, – Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. / Л. С. Васильев. – М. 1983; См. также: Карнейро Л. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. / Л. Карнейро. // Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000. С. 88; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М. 1988. С.153.

теми, кого теперь называют административным аппаратом (чиновниками). Они же одновременно были и воинами – дружинниками, профессиональными защитниками остальных жителей племени. Их содержание тоже требовало средств. И прежние добровольные подношения незаметно для населения – в силу длительности процесса, растягивавшегося, порой, не на одно поколение – превращались в обязательные платежи на нужды власти, то есть – **налоги**.

Таким образом, дарообмен из обычая, формы межличностных отношений стал нарушением норм тогда, когда первобытные порядки, основанные на всеобщем добровольном выполнении традиций поведения, в процессе исторического развития заменялись иными формами общественной жизни. Другими словами, когда первобытные сообщества преобразовывались в более развитую форму общественного устройства – *государственную* – налоги стали одним из маркеров этой новой и постепенно ставшей всеобщей формы организации человеческого общества. Поскольку сбор налогов становился обязательной необходимостью для существования власти, для их собирания формируются особые нормы и специальный аппарат, что, собственно, и положило начало образованию государств⁶.

Но для формирования сложного стратифицированного общества, каким является государство, *«необходима достаточная численность населения, общество должно контролировать определенную территорию, должна существовать система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения, должна существовать идеология оправдания и объяснения существования»* иерархии и неравенства. Поэтому создание государств – длительный процесс. Например во Франции, путь к развитому государству занял 7 столетий: от Хлодвига (конец V в.) до Филиппа II (вторая половина XII в.)⁷.

В таких условиях, соответственно, происходило и формирование *налоговой системы* как формы разнообразных платежей на нужды правящих, господствующих слоев. Процесс этот был долгим и, надо заметить, весьма драматичным. Ибо если в родовых общинах платежи старейшинам и вождям воспринимались как естественное продолжение традиций дарообмена, то в племенных союзах, в которых местные элиты вынужденно подчинялись надплеменной верхушке, часто насильно объединявшей различные мелкие племена, платежи уже не воспринимались как естественные. Требовалась новая форма их несения и учета. Иначе – произвол и насилие. Можно вспомнить известный казус с двойным произвольным обложением древлян киевским князем Игорем в X в., окончившийся восстанием облагаемых, гибелью сборщиков с самим князем и жестокое, причем несправедливое наказание древлян Ольгой. Насилие княгини было естественным для демонстрации силы

⁶ См.: *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. Минск. 2015. С. 4 и др.

⁷ *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? / Х. Дж. М. Классен. // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград. 2006. С. 76-81.

возникавшей надплеменной государственной власти, ломавшей стереотипы ушедших в прошлое первобытных порядков.

Но регулярных платежей (налогов, собиравшихся в тогдашних условиях нечасто), для разраставшихся потребностей элит было недостаточно. Тем более, что в традиционных обществах нормы устанавливались обычаями. Произвольно увеличивать сложившиеся объемы платежей было опасно. Хотя нарушений хватало (вспомним вышеприведенный пример с древлянами), но по мере укрепления аппарата власти появилась иная, более приемлемая форма, обеспечивавшая дополнительные поступления и, одновременно, укреплявшая порядок в формирующихся государствах – *штрафы*.

Если обратиться к средневековой Европе, штрафы прописывались практически во всех известных варварских судебныхниках – *Правдах*, от Салической у франков (начало VI в.) до Русской (начало XI в.). Здесь не будем касаться их особенностей, отражавших складывавшиеся юридические нормы и фиксацию социальных структур. Констатируем их появление взамен примитивных физических наказаний, не приносивших никаких выгод ни потерпевшим, ни тем, кто контролировал соблюдение порядка – властям. О многочисленных штрафах, распространившихся у франков в VI в., причем налагавшихся не только на отдельных лиц, но и обременявших «народ» за отказы подчиняться королям, писал в конце указанного столетия епископ Григорий Турский в «Истории франков». Многочисленность таких штрафов свидетельствует о складывавшейся системе и наличии у тогдашней, еще довольно примитивной администрации силы для их «выколачивания». Очевидно, уже с тех пор штрафы стали в дополнение к налогам способом изъятия ресурсов для властей.

В условиях христианизации варварской Европы дополнительным платежом, также возникшим из добровольных пожертвований стала *церковная десятина*, которую император Карл Великий с конца VIII в. сделал всеобщей для всех слоев населения, в то время как от других платежей возникавшее правящее сословие поначалу было освобождено.

В VIII в., в ходе бенефициальной реформы у франков начинают формироваться рыцарские земельные владения, в которые постепенно, разными способами, затягиваются крестьяне, терявшие при этом наследственные права на земельные участки. К середине IX в. вся земля во франкском королевстве уже была поделена между феодалами – сеньорами, а крестьян, становившихся, по сути арендаторами, а, затем и лично зависимыми, обязали платить своим господам сборы в виде натурального и денежного *оброка* за право пользоваться господскими землями. К иной, завуалированной форме платежей можно отнести и известную отработочную повинность зависимых крестьян – *барщину*. Позднее к этим сборам прибавились и *баналитеты* – платежи за пользование мельницами и хлебными печами, которыми монопольно владели в своих землях феодалы⁸.

⁸ Поскольку в праздники господских печей не хватало, крестьянам разрешалось использовать и собственные печи. Но в обычные дни – только у господ за плату. Отсюда и слово *банальный*, т.е. обычный.

Позднее, при формировании феодальной системы землевладений появилась еще одна форма сборов – *пошлины*, которой были обременены торговцы. С оживлением торговли в Западной Европе с X в. пошлины стали широко распространяться. Были они произвольными. Если оброки и барщины ограничивались обычаями конкретных местностей и владений, и как бы передавались по наследству (превышение их грозило неповиновением и даже восстаниями), то размеры пошлин зависели лишь от возможностей и аппетитов вводивших их землевладельцев. Ибо, в отличие от крестьян, живших компактно и постоянно в одних и тех же деревнях, купцы до сложения более-менее управляемых централизованных государств были беззащитны. Показательно объяснение восточнофранцузского феодала второй половины XI в.: «Я, Ландрик Толстый, неких купцов из Лангра, когда они шли через мою землю, захватил и товары у них отобрал, но по увещанию епископа Лангрского и старцев Клунийских лишь часть [товаров] удержал, остальное же означенным купцам возвратил.. и заключил с ними условие, чтобы впредь платили мне ежегодную дань и по земле моей свободно ходили»⁹.

Лишь к XV-XVI вв., с усилением королей (там, где они сумели укрепиться), власти стали как-то ограничивать аппетиты сеньоров, но, при этом, сами злоупотребляли соответствующими поборами на государственных границах. Пожалуй, лишь в Англии в соответствии с Великой Хартией вольностей сбор торговых пошлин был упорядочен уже в начале XIII в., что объяснялось особенностями английского дворянства – втягиванием части его в торговую деятельность – и ослаблением в то время королевской власти.

§2. Некоторые налоговые практики античности

Итак, налоговая система начинала складываться тогда, когда вслед за расширением территориальных владений увеличивалось число участников управления, что требовало постоянных расходов на их содержание. Добровольных подношений уже не только не хватало, но, поскольку они потреблялись не только самими вождями, но их окружением, необходимость дарить что-либо еще и этому окружению (свите) для рядовых общинников была неочевидной. И свита переходила к самообеспечению (еще раз вспомним набег Игора на древлян).

Здесь можно задаться вопросом: а зачем вообще первобытные люди стали расширять свои территории нападениями и захватами чужого и, соответственно, необходимостью обороняться, содержать воинов? К сожалению, как и вообще в природе, равновесие между ресурсами и числом обитателей в каждом конкретном анклав постоянно нарушается: периодически наступает перенаселение с конкурентной борьбой за источники существования. И человек в этой гонке за ресурсами ничем не отличается от животного мира, из которого вышел несколько миллионов лет назад. Более того, благодаря целому ряду эволюционных мутаций люди возвысились над животными умением подчинять себе природную среду, что

---

⁹ *Социальная история средневековья*. Т. I. М.-Л. 1927. С. 224.

привело к динамичному росту населения и обостряло проблему ресурсов. Племена, оказавшиеся в более благоприятных природных условиях (более плодородные земли, моря или реки с обилием рыбы, удобные пути к этим ресурсам), численно росли быстрее, чем их соседи, волею судеб оказавшиеся в менее благоприятных условиях. А поскольку численность населения в первобытности была критически важной, многолюдные племена начинали экспансию на земли соседей: как в известной басне: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

В таких условиях создается военно-административная организация и, соответственно, условия для ее содержания – обязательные платежи: подати, сборы. С завоеванных собирали дань. На какое-то время ее размеры позволяли вообще обходиться без внутренних налогов. Однако такое удавалось не всегда и ненадолго. Но и в таких случаях завоеваниям предшествовало создание внутренней системы обложения, которая накапливала средства для экспансии. Соседям же, для защиты угодий также требовалось как-то консолидировать свои ресурсы. Способ был тот же – поборы.

Именно в таких взаимных конфликтах и возникали государства. Примечательно, что там, где племена оказывались в географической изоляции, и у них не оказалось внешних врагов, они многие столетия продолжали находиться в первобытном состоянии, как, например, недавно обнаруженные жители глухих мест в бассейне Амазонки.

Создание налоговых систем породило и такой необходимый атрибут государственности и, шире, цивилизации, как письменность. Ведь культура письменности изначально появилась в Месопотамии и Древнем Египте для записи собираемых податей. Их сборщики становились и писарями, и счетоводами, и, затем, казначеями, а необходимость разнообразных подсчетов делала их и первыми интеллектуалами – статистиками и математиками. Для выполнения этих функций нужна была подготовка – появилось образование. Разрастание аппарата, в свою очередь, требовало новых расходов. Расширение и защита территорий вызывали потребности в инфраструктуре: дорогах, дамбах, строительстве крепостей, других сооружений. Помимо учителей нужны были медицинские «работники». Все это увеличивало расходы властей и, соответственно, налоги.

Основная масса налогов, первоначально собиралась с производящей массы населения – земледельцев (т.е. с крестьян). Но здесь возникали *вариации*, связанные с цивилизационными различиями.

На территориях, с подати древних греков называемых в европейской историографии *Востоком*, то есть в древнейших цивилизациях Северной Африки, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока в силу, прежде всего, особенностей природной среды, сложились хозяйственно-административные системы в виде *деспотий*, то есть жестко структурированных монархий¹⁰. Основная масса налогов

¹⁰ Подробнее об истории цивилизаций в древности и средневековье см.: Риер Я. Г. Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: генезис и особенности. / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016.

там собиралась с крестьян продуктами их труда. По мере появления и разрастания городов налоговое бремя распространялось и на их жителей: купцов и ремесленников. С ростом и усложнением государств увеличивались и расходы, что, естественно, вело к увеличению податей. Условия жизни господствующих слоев, из-за отрыва от повседневных нужд, способствовали появления вкуса к роскоши и распространению гедонизма, что тоже влияло на размеры налогов. Вспомним, хотя бы исследованные археологами египетские пирамиды. (Тем более, что сами сборщики (фискалы) и себя обеспечивали из того же источника). Освобождение от налогов становилось чуть ли не главной льготой, свидетельством милости правителей по отношению к своим приближенным. В итоге везде, где это можно проследить по источникам, сборы постоянно росли. Вводились налоги с продаж, с рабов, с иностранцев, с импорта, за передвижение по территории страны, с продаваемых и покупаемых товаров. Успешные завоевания позволяли перекладывать удовлетворение части потребностей на захваченное население.

Но, как было подмечено еще древними мыслителями, любое государство после времени расцвета вследствие разрастания территории и, соответственно, расходов, приходило к перенапряжению ресурсов. Итог – упадок, который правители пытались компенсировать привычным им способом – увеличением налогов, что приводило к разорению населения, свержению правителей и даже к краху государств. На Востоке такая цикличность прослежена и в древности, и в средние века. Позднее, уже в Новое время отмеченную закономерность нарушили европейские колонизаторы. Но это уже иной сюжет.

В принципе, похожие циклы были характерны и для древней Европы. Но здесь были свои особенности, связанные с иными географическими условиями. Речь идет о Восточном Средиземноморье – колыбели античной цивилизации. В отличие от восточных государств, расположенных преимущественно в речных долинах, в которых самым продуктивным являлось орошаемое земледелие с привязанными к своим хозяйствам крестьянами, зависимыми от общегосударственных ирригационных систем, природа и, соответственно, хозяйство античного мира были совершенно иными. Покрытые растительностью склоны гор годились не только для разведения мелкого рогатого скота, но также для садоводства и огородничества. Изрезанная береговая линия Южных Балкан и обилие островов в Эгейском море способствовали рыболовству и мореходству. *Разнообразие ландшафтов с разнообразием хозяйственных отраслей на Балканах, в прибрежной полосе Малой Азии, Сирии, Северо-Восточной Африки стимулировали возникновение устойчивого обмена.*

Пересеченные ландшафты, сочетавшие в себе различные уголья (от горных пастбищ до субтропических садов и огородов), не требовали для продовольственного обеспечения своих жителей создания крупных земледельческих хозяйств со сложными ирригационными системами¹¹. Нехватка

---

¹¹ Как это было в Древней Месопотамии.

площадей для земледелия в небольших долинах гористых Южных Балкан компенсировалась возможностью морских промыслов, чем и занялась значительная часть растущего населения.

Морское дело – другой важный фактор ускоренного общественно-экономического прогресса. Оно не только увеличивало продовольственную базу населения, но и расширяло его кругозор. Для общественного развития морское дело и возникшая из него торговля важны появлением людей, свободных от поземельной зависимости, веками сковывавшей основных кормильцев любого доиндустриального общества – крестьян. Поле деятельности и источник существования людей моря – свободные водные просторы, где их ограничивали только штормы и пираты, но никак не власть общинных собраний, старейшин и возникавшей знати. И когда у древних греков, как и на Востоке, знать начала превращаться в правящее сословие (подчиняя своей власти рядовое сельское население), именно моряки (рыболовы, владельцы судов с экипажами) оказались той массой, которую знать не могла подчинить, потому что не имела власти над источником существования мореходов – морем. К людям, связанным с мореплаванием, по статусу и интересам примыкали не связанные с землей ремесленники.

Возникший к VIII в. до н.э. из-за быстро растущего населения Древней Греции дефицит зерна компенсировало развитие морской торговли с ближайшими зерновыми регионами. Но завоевывать сырьевые территории (как это делали деспотии на Востоке, а позднее Рим), разбросанные по Аттике, островам Эгейского моря и берегам Малой Азии, греческие города-государства не могли: не хватало людских ресурсов. Получение зерна из Египта, Причерноморья и других мест было возможно лишь при организации взаимовыгодного обмена с туземцами. А для налаживания такого обмена надо было заинтересовать производителей зерна нужными им ремесленными изделиями. Изобретенный эллинами маркетинг создавал спрос для греческих ремесленников, внутренний рынок у которых был ограничен. Уровень развития торговли оказался таким, что уже к VIII в. до н. э. на территории Восточного Средиземноморья впервые в мире появилось устойчивое денежное обращение.

Так в греческом обществе возник и экономически укрепился неаграрный уклад, сложился слой людей, чье благополучие было связано не с землей, а с ремесленной и торговой деятельностью, с рыночной экономикой. А это меняло и социальные порядки. Самодостаточным становился индивидуальный, частный труд. И в начале VI в. до н. э. в Греции возникает частная собственность. Все полноправные жители полиса получали равные экономические и политические права. И, что существенно, они как свободные полноправные граждане не платили прямых налогов. Согласно реформе Солона в Афинах были оставлены налоги, которые взимались с потоков товаров, то есть налоги с оборота, а также пошлины за право провоза и продажи. Прямые налоги с имущества платили только метеки – приезжие.

Состоятельные афиняне выполняли литургии – добровольные пожертвования на общественные нужды, которые с ростом расходов становились обязательными.

Размеры литургий также росли – они не были фиксированными, а зависели от оценки размеров состояния того, кто их исполнял. Это рождало конфликты, взаимные претензии. Обострившиеся внутригреческие противоречия, особенно во второй половине IV в. до н.э. вызвали увеличение всех поборов. Богатые начали прятать состояния и появились специальные доносчики, выявлявшие сокрытые от обложения имущества. Состоятельные граждане стали убежать и ко времени усиления Македонии прежде богатый город Афины стал банкротом.

Так, в условиях афинской демократии, потребности которой изначально обеспечивали иностранцы-метеки и богатые сограждане, постепенно, вследствие успехов, разрастались аппетиты. Превратившись в лидера греческого мира, борясь за сохранение достигнутого статуса, Афины превысили свои ресурсные возможности, особенно это сказалось на конфликте со Спартой. В целом комплексе причин поражения Афин рост расходов и, соответственно, налогов, сыграл определенную роль. И в IV в. до н. э. гегемония в регионе перешла к северной окраине Балкан – Македонии. Но в силу аграрного характера в ней традиционно была сильна землевладельческая аристократия. Поэтому Македония была ближе древним обществам Востока. Распространившись при Александре вплоть до Инда, эллинистическая Греция «овосточилась», а затем попала под власть Рима.

В близких географических условиях римское общество поначалу воспроизвело греческие политические формы, получившие латинское название – *республика*. Как и в греческих полисах, но не в процессе развития, а уже при формировании римского общества «*в качестве коллективных ценностей для всей гражданской общины были приняты ценности индивидуальные*»¹². «*Рост товарного обмена в Италии... нашел свое юридическое выражение в создании в поздней республике беспрецедентного торгового права. И высшим, главным достижением нового римского права было, что вполне соответствовало его социальному контексту, изобретение понятия неограниченной собственности*». Даже в Греции частная собственность «*всегда была относительной, иными словами, обусловленной превосходящими или сопутствующими правами других властей и сторон или обязательствами по отношению к ним. Именно римское право впервые освободило частную собственность от всех внешних условий или ограничений, проведя новое различие между простым владением. Римское право собственности, значительная часть которого была посвящена собственности на рабов, служило концептуально чистым выражением коммерциализированного производства и обмена товаров...*»¹³. С точки зрения римского права, собственность частного лица никем не могла быть ограничена¹⁴.

¹² Дементьева В. В. «Современная античность и античная современность» (историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм). / В. В. Дементьева. // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 215.

¹³ Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. / П. Андерсон. – М., 2007. С. 67.

¹⁴ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма. / И. С. Филиппов. – М., 2000. С. 620, 635.

При этом, как и в Греции, граждане несколько веков не платили прямых налогов. Первый налог ввел второй правитель Рима, полубогатый Нума Помпилий в начале VII в. до н. э. Это была пошлина за торговлю в базарные дни на рынках. Довольно долгое время римляне называли налоги более-менее организованным грабежом, а налоговиков – бандой грабителей. Существовал лишь косвенный налог – портовый сбор с привозимых товаров (таможенный платеж).

В период республики римский управленческий аппарат стоял очень – должностные лица, чиновники (куриалы) не только не получали оплаты за свою деятельность, но и обычно оплачивали государственные расходы из личных средств. Это считалось почетной обязанностью богатых, как, собственно, литургии в Древней Греции. Но в отличие от нее, куриалы несли постоянные расходы, причем немалые. Это воспринималось как почетная обязанность римлянина. С ростом расходов, ближе к концу республиканского периода, был введен налог и на сенаторов.

По мере захвата новых территорий, большими налогами облагали провинции, что позволяло освобождать от прямых налогов римлян до I в. до н. э. (до конца республиканского периода). Хотя во II в. до н. э. налоги с провинций стали отдавать на откуп, то есть продавали право сбора налогов частным лицам, что, естественно, обогащало последних и порождало многочисленные злоупотребления на завоеванных землях.

С конца I в. до н. э. Октавиан Август, при котором республиканский строй сменился авторитарным, затем переросшим в империю, начинает облагать налогами римлян. Для борьбы с сокращавшимся приростом населения он ввел налог за бездетность. Мужчина в возрасте от 25-ти до 60-ти лет, женщина в возрасте от 20-ти до 50-ти лет должны были состоять в браке. Незамужняя женщина платила 1% налога на имущество, а мужчины, которые в этом возрасте не состояли в браке, не имели права передавать свою собственность по завещанию. То есть женщина рисковала своим имуществом, если не вступала в брак, а мужчина, соответственно, рисковал своим наследством. Лишь в IV в. император Константин этот налог отменил, ибо и рождаемость не возросла, и налог игнорировали.

Затем был введен земельный налог, составивший 10-ю часть доходов с земельного участка. Ну, а далее налоги посыпались как из рога изобилия – плотина прорвалась. Огромная империя требовала и огромных расходов. Во II в. н. э. рост государства прекратился из-за отсутствия ресурсов для дальнейшего расширения. Огромной армии – около полумиллиона воинов – хватало лишь на охрану границ и выполнение полицейских функций внутри страны (число рабов в ней, по некоторым подсчетам, почти равнялось числу свободных). Всего в империи в начале новой эры свободных людей проживало около 54 млн. чел. Правда, большая их часть не была римскими гражданами и платила налоги. Но прекращение завоеваний резко сократило приток в страну новых ресурсов (особенно рабов), что и потребовало компенсировать их нехватку ростом поборов с привилегированной части собственного населения – римлян.

Как и везде, у праздной знати росли аппетиты и многое из казны уходило на ее нужды. Честным представителям власти не удалось обуздать массовое стремление элиты к обогащению.

Если во времена Августа и Траяна (I-II вв. н. э.) еще строились общественные здания, дороги, форумы в городах, то затем ситуация изменилась. Уже во II в. император Веспасиан ввел знаменитый налог с общественных отхожих мест (знаменит его ответ на упрек сына Тита – «*деньги не пахнут*»).

Помимо всеобщего распространения сбора за рынки, портовых пошлины, налога с продаж, появились: дорожная пошлина, ярлык для ослов, налог на наследство (довольно большой), сбор за размен денег, сбор за выписку квитанций, сбор за прикладывание печати, налог в продовольственный фонд, сбор со скота, налог на огороды, налог на вино, налог на пшеницу, налог на огурцы, налог на квартплату, налог на работоторговцев, налог на банщиков, налог на проституток, налог на продавцов рыбы и рыбаков, подушная площадь, налог на финики, налог на застроенную землю, сбор на статуи, квартирный налог (в том числе и за многоэтажность).

Появились налоги на вино, на содержание бань, на содержание именитых гостей; был сбор на содержание тюрем для недоимщиков, на гарнизоны, на сторожевые вышки, на жалование полиции, на плотины, на содержание сборщиков налогов, на канцелярские принадлежности для правительственных учреждений, на зрелища, на благотворительность, на мыло. В императорский период активно вводились и натуральные налоги, ибо деньги обесценивались.

В условиях углублявшегося общего кризиса, рост расходов на содержание разраставшегося государственного аппарата империи, простиравшейся от Атлантики до Ирана, привел к тому, что размеры налогов делали бессмысленным проявление любой хозяйственной инициативы, поскольку ее результаты изымались. Более того, так как горожане (представители правящего сословия куриалов), которые, как отмечалось, осуществляли управление за свой собственный счет, переставали выполнять свои функции и выезжали в загородные поместья, им запретили покидать свои должности и города, сделав «крепостными государства». Ремесленникам также было запрещено покидать мастерские.

Беглый анализ развития античной налоговой системы позволяет сделать вывод: минимальные налоги, как-то связанные с древними традициями дарообмена, существовали тогда, когда государства были небольшими и управлялись с участием широких народных масс (демократически). В таких условиях, кстати, и сами налоги, их размеры и назначение, определялись плательщиками. Затем, по мере усиления государств и разрастания функций их власти, разрастались и поборы, расходование которых уже не контролировалось теми, кто платил. Успешные завоевания на время перекладывали часть расходов на завоеванное население. Но обилие привлекаемых ресурсов развращало власть имущих – их потребности начинали превышать ресурсные возможности населения, и завоеванного, и своего собственного. Наступала стагнация (застой), а, по мере

усиления соседей – кризис и упадок, который власти пытались преодолевать привычным способом – усилением налогового бремени. Получался замкнутый круг.

Закономерно, что эти меры не спасли западную часть империи. Она разрушилась и стала добычей варваров-германцев. Восточная ее часть, более развитая и богатая, устояла, но постепенно переросла в типичную монархию – средневековую Византию. Расположенная на трех континентах: европейских Балканах, азиатских Анатолии и Сирии, африканском Египте, она, помимо разнообразных природных ресурсов, обладала и социальной устойчивостью – в ней сохранился значительный слой мелких свободных тружеников, исчезнувший в западной части Римской империи. Он продолжал трудиться и обеспечивать налогами власть, сохранившую государственную целостность на многие столетия. Именно наличие многочисленного крестьянства и ремесленников позволило Византии преодолеть кризис рабовладельческой экономики в V-VII в. н. э.

Сначала сохранялась древнеримская тенденция. Император Юстиниан, опираясь на имевшиеся ресурсы, попытался укрепить империю. Это, несмотря на некоторые успехи, привело к еще большему налоговому бремени. Говорили, что налоги собирают со всего, кроме, разве что волос на голове. Заступившего после смерти Юстиниана на престол Юстина II в 585 г. толпы народа встретили криками *«сжался над нами, пощади нашу нищету»*. Но казна уже была пуста. В первое двадцатилетие следующего, VII в. территория империи сильно сократилась, особенно за счет африканских и азиатских земель, захваченных арабами.

Наступили так называемые «темные века» в истории Византии. Расцвела коррупция, поощряемая высшей властью: сановники получали огромные средства, низам не доставалось почти ничего. Показательна сценка, разыгранная в популярных тогда представлениях. Как повествовал источник, во время выступления в одном из провинциальных городов актеры выкатили на сцену большую лодку и один из них предложил другому ее съесть. Тот возразил, что не может, естественно, это сделать. А первый ответил, что названный по имени местный чиновник такую лодку, которой зарабатывала на жизнь некая вдова, проглотил, лишив несчастную средств существования.

В наступившем хаосе усилились провинциальные элиты, упростившие систему управления. Снизилась налоговая нагрузка. Правящее сословие стало пополняться мелкими землевладельцами, получавшими за выполнение управленческих функций право собирать налоги с подконтрольных территорий и расходовать большую их часть для местных нужд. Началось хозяйственное оздоровление. Характерна деятельность императора IX в. Василия I, происходившего из бедной крестьянской семьи. Для наведения порядка он приказал всем чиновникам брать взятки вполтину того, что они делали ранее. И жалобы на чиновный произвол резко сократились.

С IX в. страна стала укрепляться. Возродилась активная внешняя политика. Соответственно, расходы и налоги вновь стали расти. Конфликты в правящем

сословия ослабляли империю. В начале XIII в. усобицы привели к захвату Византии крестоносцами. У страны еще хватило сил спустя полстолетия изгнать, завоевателей. Но она погрязла в кризисе. Усобицы продолжались, ресурсы казны расхищались. Нехватку средств власти начали компенсировать раздачей налоговых концессий. Сбор налогов отдавался на откуп богатому итальянскому купечеству, что, в итоге, привело к вымыванию из страны ресурсов. Итог – усугубление кризиса и окончательный разгром Византии в середине XV в., завершившийся захватом Константинополя турками в 1453 г.

§3. Средневековый налоговый контекст

После ликвидации в середине V в. Западной части Римской империи, западноевропейские страны развивались иначе. Захватившие страну германцы, жившие позднепервобытными порядками, почти до основания разрушили античную систему. Они расселялись общинами, внутри которых жили *обособленными домохозяйствами – аллодами*. В течение VI в. варвары-германцы закрепили эти порядки нормами римского частного права. Это было, на наш взгляд, главное из того немногого, что германцы восприняли в античных достижениях.

Право на землю у варваров было бесспорным и наследственным. Никакие платежи за это не налагались. Исключительно для поддержки порядка создавалась система штрафов за преступления против личности и имущества общинников. Военные вожди жили как за счет своих семейных ресурсов, так и, в значительно степени, за счет захватов владений римской аристократии, которые раздавались дружинникам (ближайшему окружению вождя) и другим «сотрапезникам». Правда, для закрепления статуса, в штрафах возникла определенная субординация. Согласно «Салической правде» (507-511 гг.), за убийство простого франка налагался вергельд в 200 солидов, а за убийство должностного лица – вергельд в 600 солидов. Поскольку в то время бык стоил 2 солида, корова – 3, конь – 12, мечь – 7, то убийство простого франка оценивалось размерами имущества целой деревни. Наказание за убийство представителя власти было вообще запредельным. До сих пор неясно как такие вергельды выплачивались. Возможно эти цифры, непредставимые для тогдашнего неграмотного общества, носили характер устрашения?

Во второй половине VI в., усобицы внутри молодого Франкского королевства породили новые обременительные налоги (в $\frac{1}{10}$ урожая), а также налог с рабов. Население страдало также из-за косвенных повинностей, самой обременительной среди которых считался призыв в ополчение (происходил обычно в самые важные для крестьян летние месяцы).

По мере укрепления военного сословия, появлялись платежи, связанные с *феодализацией*. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в VIII в. – в ходе так называемой *бенефициальной* реформы у франков, согласно которой воинам стали жаловать надель за службу. Надель включали деревни с угодьями, которые

становились владениями бенефициариев – будущих *рыцарей*. Крестьяне стали терять права на свободные, прежде общинные угодья и, вследствие этого, не могли расширять хозяйства при естественном росте семей.

Возникавшее малоземелье толкало крестьян в зависимость от новых господ. Необходимые угодья они получали за плату, что становилось дополнительным побором. Растущие налоги, штрафы, участие в ополчении, новые платежи разоряли крестьян и они массово передавали принадлежавшие им наследственные наделы землевладельцам-феодалам, превращаясь лишь в держателей, обязанных вносить платежи за свои бывшие наделы. В VIII – первой половине IX вв. этот процесс у франков стал настолько массовым, что появились формулы (нечто вроде бланков) с описанием правил перехода крестьянской собственности к *господам* с указанием размеров платежей – так называемые *прекарные грамоты*. По королевскому декрету середины IX в. крестьяне превратились в зависимое, *податное* население.

Феодалы от платежей освобождались. Впрочем, они тоже не были свободными. В обмен на владение поместьями, феодалы несли военную и административную службу. Отказ от службы означал и потерю поместья. Учитывая, что на службе рыцарь мог погибнуть, господин рыцаря (*сеньор*), по сути, обладал правом на жизнь *вассала*. Смягчала ситуацию традиция *рыцарской службы не более 40 дней году*. Крестьяне же вносили платежи регулярно и, к тому же, попав под власть феодалов, стали обременяться еще и отработками в господских хозяйствах – *барщиной*. К барщине добавлялись *баналитеты*.

В X-XI вв. эти порядки, называемые *сеньориальной системой*, распространились из Франции в германские земли, в Италию и Британию, а в XII-XIV вв. охватили скандинавские королевства, Польшу, Чехию, Венгрию. В условиях эволюции *иммунитетных прав*, делегирующих полномочия королей (князей у западных славян) провинциальным феодалам, возникало много локальных вариантов указанной системы. Отличались они характером и объемами повинностей, а общие принципы были едины. Основным податным сословием считались крестьяне.

Впрочем, традиции ограничивали аппетиты феодалов; нарушение этих традиций было чревато вооруженным сопротивлением подданных против сеньора. И когда в силу экономических процессов запросы феодалов стали расти, причем именно в денежной форме, в XIV-XV вв. началась так называемая *коммутация повинностей* – крестьян стали *принудительно переводить на денежные платежи и даже освобождать от личной трудовой зависимости за денежный выкуп*. Из крепостных крестьяне превращались в лично свободных арендаторов господских земель. Отмена личной зависимости (крепостного права) способствовала концентрации имуществ у наиболее «продвинутых» крестьян, склонных к предпринимательству. Так в деревню проник капитализм. Однако, более существенные изменения, приведшие к замене феодальных порядков буржуазными, произошли вне сельской местности.

Развитие городской жизни связано с постепенным формированием профессионального ремесла в варварских королевствах. Этому способствовало создание рыцарского сословия, имевшего запросы на вооружение и воинское снаряжение, на предметы роскоши. Ремесленники переселялись из деревень к феодальным замкам, к перекресткам дорог, к переправам и гаваням, к местам торгов, то есть ближе к потенциальным покупателям. Возникали поселения купцов и ремесленников, огороженные, как и замки феодалов, крепостными стенами – города. В Италии, где сохранились остатки римской инфраструктуры, уже с IX в. началось возрождение античных городов и создание новых.

В городах возникали новые, не феодальные порядки. Горожане были лично свободными, вольными купцами и владельцами мастерских, ремесленниками, не обязанными нести какие-либо повинности, кроме платы за право жить и иметь собственность в данном месте. Этим горожане отличались от крестьян, привязанных к земельным наделам. Но вышедшие из сельского населения, они для феодалов оставались, наряду с крестьянами, податным сословием. Горожане вносили землевладельцам платежи за землю, за право торговать и трудиться.

Хрестоматийной является история северофранцузского города Лан. Первоначально он принадлежал епископу. В начале XI в. горожане, устав от постоянных вымогательств, решили откупиться, уплатив епископу значительную сумму. Нуждаясь в деньгах, епископ согласился предоставить городу коммунальную хартию, установившую четкий размер платежей. Но спустя некоторое время, растратив выкуп и недовольный малой суммой коммунальных платежей, епископ добился от короля отмены хартии. Горожане восстали, убили епископа, но были разгромлены. Новый епископ вернул городу самоуправление (за очередной выкуп), но затем решил его отнять. На этот раз король, за взятку, поддержал общину.

Города тоже бывали «не лыком шиты». Например, правители Гамбурга, добиваясь привилегий, в борьбе со своим торговым конкурентом Бременом ссылались на послание императора Фридриха Барбароссы от 1189 г, в котором городу предоставлялся ряд привилегий. Как выяснили историки аж в 1907 г., это послание было фальшивкой, состряпанной в самой гамбургской ратуше в XIII в.

Внутри городов возникали финансовые поборы, связанные с потребностями городской жизни. В городскую казну ремесленники платили налоги за мастерские и жилища (в соответствии с площадями, этажностью, количеством окон), за лавки, в которых продавали продукцию. В рамках характерного внутригородского самоуправления возникали локальные нормы налогообложения. Наиболее подробно они были разработаны в германских городах (Магдебургское, Любекское и другие правовые уставы, по сути – конституции). Аналогично облагались купцы.

Феодалы, в том числе короли, при определении сумм поборов исходили, прежде всего, из своих потребностей. И лишь возникавшее сопротивление как-то ограничивало их аппетиты. Горожане, знавшие, как и откуда берутся доходы, при определении сумм сборов исходили из того, чтобы эти платежи были посильными

для хозяйств. Такая разница в *экономической политике* определила дальнейшие экономические успехи городов, постепенно ставших финансовыми лидерами и даже донорами королей. Финансовое, экономическое развитие горожан превратило их в буржуазию, отстранившую феодальную аристократию от власти (в процессе буржуазных революций). Преобразование феодальных отношений в капиталистические происходило в Западной Европе из-за мощной правовой традиции городской автономии и внутреннего самоуправления.

«Особая песня» – *государственные налоги*. Выше упоминались налоги, введенные в VI в. в раннефранкском королевстве. Тогда государство еще было в зачаточном состоянии и «обременительными» налоги считались скорее оттого, что были новым понятием для варваров-крестьян. Впрочем, при тогдашних крайне низких урожаях крестьяне почти не имели излишков. В условиях слабости королевской власти регулярность поборов была относительной. С созданием сеньориальной системы в IX в. и с распространением иммунитетов, финансовое обеспечение феодального сословия было возложено на владельцев поместий – сеньоров. Даже короли могли полагаться, прежде всего, на *свои* владения и *своих* крестьян. Показателен декрет франкского короля Карла Лысого от 846 г., в котором он распорядился, чтобы все в его королевстве нашли себе сеньора, «*либо в нашем лице, либо в лице наших вассалов*». Внутри же поместья-сеньории сложилась весьма рациональная система: должностные лица – управляющие, старосты, ключники и другие не получали никаких выплат от господина, а жили за счет тех земель, которые держали. То есть сеньор, получая платежи как владелец земли, а от вассалов службу, ничего не тратил взамен. Чиновничества в сеньориях не было, что и обеспечивало их устойчивость во время многочисленных усобиц, гибели королей и династий, а также при перемещении границ довольно еще аморфных государств. Такая же структура была и в ранних королевствах. Вассалы служили королям *за право на владения*. Отказ от службы своему сюзерену, давал право последнему конфисковать феод. В итоге, собственно государственные расходы в тот период были минимальными, что обеспечило устойчивость господствовавшего сословия и экономики. Ограниченные поборы оставляли основные ресурсы производителям. Вот почему, несмотря на политические коллизии, с VIII в. в Западной Европе отмечается неуклонный хозяйственный подъем.

По мере укрепления экономики, короли получили возможность расширять свою власть: началось увеличение бывших ранее небольшими королевскими доменов. В течение XI-XIII вв. владения французских Капетингов из их первоначального графства Иль-де-Франс разрослись почти до границ современной Франции. В Англии во второй половине XI в. нормандский герцог Вильгельм Завоеватель захватил трон и объединил страну. Такие объединительные процессы являлись объективной необходимостью, так как обеспечивали безопасность населения и дальнейший хозяйственный рост. Но с увеличением территорий, соответственно, рос административный аппарат. В XII в. во Франции, вследствие расширения королевского домена, из личных слуг короля, управлявших

различными службами (*министериалов*), начали выдвигаться государственные чиновники. Эти лица стали составлять *королевский совет*, заменивший прежний непослушный совет знати. Но если в совете знати состояли феодалы, жившие за счет своих владений, то бывших министриалов (бывших дворовых слуг) надо было содержать. Начали расти общегосударственные расходы, а, вслед за ними, и налоги. Показательно, что первую перепись в Англии, проведенную Вильгельмом Завоевателем в 1088 г., подданные называли «Книгой страшного суда», справедливо полагая, что за ней последует рост поборов.

С развитием торговли у власти появилась новая возможность получения дохода – *порча монет*. В процессе усиления королевской власти, монетное дело становилось ее монополией. При этом Европа страдала от нехватки драгоценного металла серебра и, особенно, золота. И в отчеканенных денежных единицах стало сокращаться содержание драгоценных металлов. Началась «порча монет», а с ней *девальвация* – тоже налог, но косвенный, скрытый. Если при Карле Великом (конец VIII – начало IX вв.) основная денежная единица (*ливр*) содержала 408 грамм золота, то в середине XIV в., при короле Иоанне Добром (после очередного поражения от англичан в Столетней войне), лишь около 80 грамм. В монетах увеличивалось содержание меди. Про короля Филиппа IV Красивого (конец XIII – начало XIV вв.) говорили, что «он обесценил монету и съел своих подданных».

Успехи централизации позволили французским королям ввести первый в стране общий прямой налог – *талью*, собирающуюся со всего податного сословия. Проблемой, естественно, была собираемость, особенно в неурожайные, голодные годы, из-за чего постоянной талья стала лишь с середины XV в., когда в условиях войны с Англией королю Карлу VII удалось консолидировать общество и укрепить свою власть. Налог платили крестьяне и горожане, за исключением университетов. Профессора и студенты были приравнены к духовенству/дворянству и освобождены от платежей.

В Англии талью собирали с 1173 г., но в XIV в. она была отменена из-за давления сословий. С этого времени налогообложение страны уже было под контролем парламента. Попытки властей действовать самостоятельно встречали жесткое сопротивление. Например, попытка собрать дополнительный налог из-за потребностей войны с Францией в 1381 г. вызвала крупнейшее в истории Англии восстание Уота Тайлера. Хотя восстание и было подавлено, но *нажим на крестьян ослаб*. Парламентский контроль над налогами способствовал их стабилизации в течение нескольких столетий, что, несмотря на поражение в войне с Францией и потерю в ней ряда богатых территорий, способствовало самому быстрому в Европе подъему экономики Англии и зарождению капитализма.

Нехватка средств – постоянная проблема властей того времени, так как потребности феодального сословия определялись, как правило, личными, семейными, династическими интересами и амбициями, редко согласовывавшимися с экономическими возможностями. Так как в образе жизни феодалов представление о «зарабатываемости» средств отсутствовало, вассал мог

рассчитывать на получение чего-то *только в виде милости*. Интересно, что это не унижало, а наоборот, свидетельствовало о расположении сюзерена.

Дарить, оказывать милости для сеньоров стало необходимостью – это считалось вопросом престижа. *«Скупой рыцарь»* – объект насмешек и даже презрения. Впрочем, чтобы быть щедрым, надо было где-то брать предметы «щедрот». Единственный способ – *насилие*. Это было благородно и достойно образа рыцаря, в том числе и короля – *«первого среди равных»* в феодальной сословии. Вспоминаются слова герцога Сэффолка у Шекспира: *«Меч мой закон»*. Известны случаи, приписываемые, например, английскому королю Иоанну Безземельному, который, собрав рыцарей, отбирал у них наличные деньги и распускал по домам. Но это уже считалось произволом, породившим «Великую Хартию вольностей» (1215 г.). Хотя монархи, воспитывались в представлениях, что они – помазанники Божьи и всевластны по отношению к нижестоящим, но рыцари имели четкие гарантии, заложенные в сословных традициях, ограничивавших права сюзеренов. В бою даже король не мог рыцарю приказывать, а только просить!

Простые рыцари грабили на дорогах. Доставалось и крестьянам (особенно чужим), но чаще купцам. Беззащитны были иностранцы и, особенно, иноверцы. Жадный до денег Филипп IV Красивый, прославившийся разгромом Ордена тамплиеров (1307-1314 гг.), неоднократно объявлял конфискации с последующим изгнанием из Франции итальянских и еврейских купцов. То же проделывал германский император и одновременно чешский король Карл IV во второй половине XIV в., изгоняя евреев из Праги. Задумав очередной погром, Карл набирал у будущих жертв займы, которые потом не отдавал.

Во второй половине XII в. в Англии был найден еще один рациональный способ пополнения королевской казны – *откуп рыцарей от военной службы особым платежом, за счет которого можно было оплатить службу наемника*. Его назвали *щитовой налог*. Хотя аналогичная попытка короля Людовика IX во Франции в середине XIII в. не удалась, ему все же удалось косвенным способом обложить дворян. В конце XIII в. Людовик ввел налог в размере одной сотой доли рыцарского имущества. Королю удалось добиться этого решения, поскольку в сильной антифеодальной власти были заинтересованы еще города и мелкие рыцари, нередко страдавшие от произвола своих сеньоров. Да и крестьяне, терпевшие от усобиц, и все того же произвола, были *за короля и против непосредственных господ*. Такая общественная консолидация позволила Людовику принудить к подчинению даже родных братьев – принцев крови.

В Англии, после введения упоминавшегося «щитового налога», финансовая ситуация обострилась к концу XII в. Расходы на авантюры странствующего рыцаря-короля Ричарда Львиное Сердце, на неудачный третий крестовый поход сильно опустошили казну. Сменивший Ричарда Иоанн Безземельный отбирал деньги у всех сословий. Принятие «Великой Хартии вольностей» оказалось возможным, ибо в стране объединились такие противоположные силы, как

земельная аристократия и горожане. Иоанн был вынужден подписать Хартию. Но Папа Римский освободил короля от подписи, так как Иоанн признал себя вассалом Рима. Кончилось противостояние неожиданной смертью Иоанна в 1216 г. Сменивший его Ричард III осторожничал, вследствие чего в Англии отмечался хозяйственный подъем. Но затем ситуация опять обострилась. Покупая лояльность феодалов, король активно раздавал им земли. К середине столетия свободных участков почти не осталось, что естественно, популярности королю не прибавило. Тем более, что многое он отдавал французским родственникам супруги. После попытки собрать очередной платеж Папе в неурожайный год, сословия в рамках Хартии объединились против короля и восстали. В 1265 г. возник знаменитый парламент.

С XIV в. все короли Англии были вынуждены согласовывать сбор налогов с парламентом. Но если в XII в. в Англии собирали два общих налога, то к середине XIV в. их уже было девять. Причем в годы войны, а в XIV в. англичане сначала воевали в Шотландии, а затем во Франции, сбор налогов объявляли несколько раз в году. В начале Столетней войны, в 1337 г. собирали налог три раза, в 1344 г. два раза. После внушительной победы над французами при Креси, в 1346 г. парламент разрешил собирать ежегодный налог два раза. В 1348 и 1352 гг. налоги опять собирали по три раза, тогда как в 1357 г., после разгрома французов при Пуатье, собирали налоги лишь один раз.

§4. Первые банковские организации

Особое место в развитии финансовой системы католической (латинской Европы) в средние века сыграли *тамплиеры* – представители духовно-рыцарского Ордена, созданного после Первого крестового похода. Инициатива исходила от двух фанатично настроенных рыцарей из Франции и Фландрии. Римская курия быстро оценила значение возникшей организации и создала Ордену благоприятные условия, освободив от налогов на всей территории, окормлявшейся Католической Церковью. Бедные, по началу, рыцари, сидевшие, судя по тогдашним зарисовкам, по двое на одной лошади, уже к середине XII в. владели 18 замками, часть которых сохранилась до наших дней. Для помощи паломникам они создали настоящую сеть пересылки денег!

Папа продал Ордену право на проведение финансовых операций. Паломнику ли, рыцарю, отправившемуся защищать Гроб господен, тамплиеры выдавали кредит под залог его владений (феода). Обычно кредит выдавался из расчета 2/3 стоимости имущества рыцаря. Стоимость кредита – 10%, что было существенно ниже, чем проценты, которые брали флорентийские и еврейские банкиры. У них ставки могли достигать до 40%. Такая, по сути, благотворительность обеспечивалась предоставленными Ордену папскими льготами и доходами от расширявшихся владений. Добавим, что, с учетом дававшегося тамплиерами обета безбрачия, всё накапливаемое ими лично имущество также отдавалось Ордену. Кроме того, тамплиеры освобождали паломников от перевозки наличности и,

соответственно, от всех опасностей, связанных этим. Деньги в Палестину везли сами тамплиеры, а они были защищены церковью: нападение на них считалось не только уголовным преступлением, но святотатством со всеми вытекающими последствиями. Кстати, именно тамплиеры привезли в Египет выкуп за плененного в седьмом крестовом походе французского короля Людовика IX.

Для осуществления финансовой деятельности тамплиеры создали сеть особых постоянных дворов, в каждом из которых находился финансовый представитель ордена. Надо заметить, что популярность Ордена привлекала в его ряды знатных, хорошо образованных людей, искренне отказывавшихся от своих богатств ради служения Богу и Церкви. Для рыцарей это было привлекательнее, чем просто идти в монахи. Тамплиер – это монах-воин за дело Христово. Однако, втягиваясь в коммерцию, тамплиеры занялись и торговлей. Ведь из походов, да и просто из паломнических поездок возвращались далеко не все, кто отдавал Ордену в пользование свои владения. Смертность была высокой не только на полях битв, но и от кораблекрушений при пересечении Средиземного моря, от многочисленных болезней. В итоге Ордену доставалось огромное количество недвижимости на территории Европы. Тамплиеры ею управляли, а также торговали. Эта сторона их деятельности привлекла в Орден многих горожан.

Коммерция отличала тамплиеров от другого значимого духовно-рыцарского ордена – *иоаннитов (госпитальеров)*. Те тоже обладали замками и землями, но не создали соответствующей финансово-логистической инфраструктуры. А еще один подобный тамплиерам Орден, созданный на Святой земле ближе к концу XII в. немецкими крестоносцами (*тевтонский*) вообще хозяйством не занимался и после изгнания из Палестины обнищал. Тамплиеры же разбогатели, и, после потери Святой земли стали крупными европейскими землевладельцами, обладавшими, как и любая церковная организация, иммунитетом от светской юрисдикции. Не будучи востребованы в Европе как военная сила, тамплиеры остались финансистами, превратившись в кредиторов французских королей, задолжавших им огромную сумму.

В итоге, прославившийся своей бесцеремонностью в финансовых делах, король Филипп Красивый расправился с Орденом: обвинил в религиозных преступлениях и конфисковал всё достояние. Затем состоялся суд, приговоривший руководство Ордена к сожжению, хотя предъявленные обвинения в святотатстве не были доказаны безусловно. На самом процессе магистр Ордена, Жак де Моле, отказался от показаний. Однако Папа, под политическим нажимом Филиппа, утвердил приговор. Король избавился от самого опасного кредитора...

Надо заметить, что у тамплиеров накопилась сумма, оцениваемая современными исследователями, в 4 годовых бюджета Франции конца XIII в. *Но реально король получил от нее лишь 5%. Остальное находилось в коммерческом обороте.*

Среди светских банкиров с XIII в. выделились флорентийцы. Они активно использовали опыт тамплиеров, не будучи скованы их религиозными

обязательствами. Благодаря развитому ремеслу и коммерческой активности, они начали чеканить полноценную золотую монету – *флорин*, стабильность и качество которого вскоре сделало его самой распространенной денежной единицей Европы.

Североитальянские города, в рассматриваемое время, отличались тем, что были собственниками земель, на которых располагались и, соответственно, не несли расходы в пользу феодала. Успешное хождение флоринов еще больше укрепляло финансы Флоренции, в которой возникли банки, появились векселя и, соответственно, доходы от кредитных операций. Развитие коммерции привело к тому, что существовавший с конца XII в. прямой налог с доходов домохозяйств в начале XIV в. сменился сбором в 1-1,5% от собственности. Затем появились косвенные налоги – акцизы: за проезд через ворота, за производство товаров, за их продажу, за обработку винограда, за розлив вина, за розничную торговлю, за провод и убой скота. Они составляли от 7 до 20% стоимости продукта.

Особенностью североитальянских городов следует считать многоукладность экономики: торговля, банковское дело, многочисленные ремесла, среди которых выделялось шерстоткацкое, мануфактурное производство. Экономическая разновекторность стимулировала демократическую избирательную систему, позволявшую регулировать налоги, так как их рост был чреват перевыборами городского руководства. Должностных лиц могли осудить за неправильные решения и, что важно, наказать финансовой ответственностью. Впрочем, в личных дневниках флорентийских банкиров можно встретить и советы детям, что при всей любви к своему городу не грех обманывать власть, *«коль она грабит тебя налогами»*. Крупный флорентийский банкир рубежа XIV-XV в. Дж. Морелли советовал сыну: *«скрывай от коммуны свои доходы, показывай половину того, что имеешь...»*. Обладание властью позволяло городской аристократии – патрициату – перекладывать значительную часть поборов на «мелкий» люд, что порождало и во Флоренции, и в других городах региона социальные конфликты, как между кланами, так и особенно, между богатыми – «жирным народом» (*popolo grasso*) и бедными – «бедным людом» (*popolo minuto*). В результате, уже в XV в. демократии сменяются тираниями – правлением кланов или предводителей военных отрядов (кондотьеров).

Выводы

Из приведенного обзора следует, что сборы были неизменным атрибутом человеческих сообществ уже в эпоху первобытного, племенного строя, как форма обеспечения потребностей. В процессе усложнения общественных задач добровольные подношения постепенно превращались в принудительные сборы, из которых, по мере концентрации управленческих и военных функций в руках правящего сословия, возникали регулярные налоги. С укреплением государственной власти всегда росли налоги, которые, наряду с покрытием необходимых затрат стали использоваться на личные нужды правящих элит. Рост поборов нередко выходил за рамки возможностей облагаемого населения, что, если

и не приводило к восстаниям, то вело к хозяйственному застою и деградации тех обществ, где финансовые амбиции властей не контролировались плательщиками. И лишь там, где в силу обстоятельств такой контроль со стороны плательщиков возникал, общество развивалось динамичнее, о чем свидетельствует пример парламентской Англии. Принципиально похожая система формировалась и в североитальянских городах-государствах. Но, в отличие от Англии, эти города были разобщены и, породив элементы капитализма, в XVI в. пали жертвами конфликтов между континентальными государствами Западной Европы.

*Риер Яков Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова.

E-mail: rier47@tut.by.